

ШТРИХИ К ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (К ЮБИЛЕЮ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

УДК 94(47+57)''1917/1991''+316.34/35

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА СТУДЕНЧЕСТВА ПЕТРОГРАДСКОГО / ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1925)

А. Г. Ермошко

Предпринята попытка, опираясь на данные университетской статистики, определить численный и сословный состав студентов Петроградского / Ленинградского университета в рассматриваемый период, выявить их изменение в зависимости от правительственной политики. Особое внимание уделено рассмотрению материально-бытового положения студентов.

Ключевые слова: университет, студенчество, социальный облик, «чистка», материально-бытовое положение.

Изучая проблемы развития высшего образования, исследователи неоднократно и с разных сторон рассматривали процесс становления советской высшей школы. Однако до сих пор многие аспекты остаются спорными и не до конца изученными.

Сопоставление государственных установок в отношении системы высшего образования с реальными учреждениями, в частности с Петроградским / Ленинградским университетом, представляется актуальным, так как проблема руководства такими сложными структурами, какими являются высшие учебные заведения, и сегодня не менее важна, чем в первые годы советской власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 по 1925 г., так как именно в это время были выработаны основные принципы существования советской высшей школы, осуществлены кардинальные преобразования и получены первые результаты этой многоплановой работы.

Изучение истории Петроградского / Ленинградского университета началось во второй половине XX в. Однако в отечественной историографии отсутствуют исследования, посвященные непосредственно истории студенчества университета в послереволюционный период.

Ценный вклад в изучение проблемы развития советского образования внес А. А. Курепин. Его монография представляет собой комплексное исследование вопросов организации и социальной истории науки в Ленинграде в 1920–1930-е гг. Особое внимание автор уделил процессу формирования политико-административной системы руководства наукой, советизации научных учреждений, взаимоотношениям власти и научной интеллигенции [Курепин, 2003]. Необходимо также выделить монографии А. П. Купайгородской и Е. Э. Платовой, К. А. Пшенко. Опираясь на широкий круг источников, они рассмотрели процесс регулирования «классовой чистоты» обучающихся, их отношение к реформе высшей школы, процесс «пролетаризации» вузов не только в Петрограде, но и в стране [Купайгородская, 1984; Платова, Пшенко, 1999].

Несмотря на то что деятельности Петроградского / Ленинградского университета в этих работах уделяется особое внимание, многие проблемы или не поднимаются, или рассматриваются кратко. Опубликованы статьи в различных университетских сборниках, периодических изданиях, обобщающие труды – летопись университета, очерки, работы по истории отдельных кафедр и факультетов [История Ленинградского университета, 1969; Университетские Петербургские Чтения, 2003; 275 лет..., 1999].

Одним из основных трудов стала коллективная работа сотрудников исторического факультета «История Ленинградского университета. 1819–1969: очерки», вышедшая в дни празднования его 150-летия. В очерках дана характеристика основных этапов развития университета, университетской системы образования и науки. В них подробно отражены его деятельность, реорганизация структуры, факультетов, учебная и научная жизнь, положение студенчества и профессорско-

преподавательского состава. Даже краткий анализ состояния отечественной историографии показывает, что история студенчества Петроградского / Ленинградского университета нуждается в дальнейшем изучении.

События 1917 г. стали поворотными в судьбе высших учебных заведений нашей страны. Начались многочисленные преобразования, связанные с реорганизацией факультетов, изменением социального состава студенчества, организацией нового порядка приема студентов, проведением перерегистраций и так называемых «чисток». Планами большевиков предусматривалась полная реорганизация научных учреждений страны, существенная перестройка всех сторон их деятельности – взаимоотношения с новой властью, внутреннего уклада, порядка формирования кадрового состава, программ и методов обучения, подготовки новых специалистов [Курепин, 2003, с. 12].

Современные исследователи полагают, что необходимость повышения статуса науки в государстве и обществе, изменения ее организационной и отраслевой структуры давно назрела и разделялась многими тогдашними учеными. Однако смысл начавшейся реформы заключался в советизации научных учреждений, в предельном ограничении их автономии и установлении жесткого политического контроля [Соскин, 1998, с. 72].

Практическую политику в сфере науки и высшей школы определяли и направляли ЦК РКП(б) и Политбюро, а осуществлял агитационно-пропагандистский отдел ЦК. Одним из основных органов государственного руководства наукой стал Комиссариат народного просвещения. Параллельно в наиболее крупных научных центрах страны образовывались его местные структуры. В Петрограде первым таким органом был Научный отдел Комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области (октябрь 1918 – февраль 1919 г.). Его преемником стал Петроградский отдел научных учреждений и высших учебных заведений, переименованный вскоре в Петроградское управление научных и научно-художественных учреждений (ПУНУ) Академического центра Наркомпроса. Заведовал управлением М. П. Кристи, назначенный на эту должность в июле 1918 г. по рекомендации наркома просвещения А. В. Луначарского. Отдел содействовал проведению в жизнь правительственных декретов, касавшихся организации науки и высшей школы, принимал решения о создании и закрытии научных учреждений, решал вопросы финансирования, нормирования оплаты труда, утверждал штаты и сметы [Курепин, 2003, с. 12].

Весной 1918 г. при Комиссариате народного просвещения была образована комиссия по реформе высшей школы под председательством П. К. Штернберга. Комиссия в первую очередь занялась вопросами преподавания на гуманитарных факультетах и подготовкой новых правил приема. В результате ее деятельности были разработаны проект Положения о российских университетах и основные тезисы, касающиеся их реформы. В шестом пункте Положения отмечалось: «Российские университеты состоят в ведении Народного комиссариата просвещения, коему предоставляют ежегодно на утверждение как отчет о своей деятельности, так и подробные сметные предположения»¹.

Декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения» был подписан В. И. Лениным 2 августа 1918 г. Первый пункт декрета гласил: «1. Каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16-ти лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения, без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы». Во втором и третьем пунктах отмечалось: «2. Воспрещается требовать от поступающих каких бы то ни было удостоверений, кроме удостоверения о их личности и возрасте. 3. Все учебные заведения Республики, на основании декрета о совместном обучении от 27 мая 1918 г., открыты для всех, без различия пола. За нарушение указанного декрета все ответственные лица подлежат суду революционного трибунала» [Декреты..., 1964, с. 141]. Государство стремилось ликвидировать неравенство женщин и мужчин, создав одинаковые условия для поступления в вузы. Таким образом, женщины впервые в истории России были активно вовлечены в учебный процесс. Например, в 1926 г. более 37 тыс. женщин учились в вузах страны, что составляло 31,3% от общего числа студентов [Платова, Пищенко, 1999, с. 81]. Четвертый пункт декрета объявлял недействительным уже произведенный прием в 1918 г. по старым правилам – на основании приемных экзаменов или конкурса аттестатов. Также указывалось, что «никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть. На первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии» [Декреты..., 1964, с. 141].

Для многих студентов такое реформирование образования явилось настоящим потрясением.

В знак несогласия с новыми условиями приема студенчество выступило с резолюцией, в которой отмечалось: «Студенчество Петроградского университета признает отмену при поступлении в университет всякого образовательного ценза совершенно недопустимой. В высшую школу должны попадать лишь лучшие элементы молодежи. Проникновение в нее слабо подготовленных элементов неизбежно вызовет соответственное приспособление преподавательского персонала к пониженному уровню своей аудитории, что поведет к ущербу для науки и дела университетского преподавания»².

Прием в студенты в 1918/19 учеб. г. осуществлялся в течение всего года. Во многом он носил хаотичный характер. Все подавшие прошения допускались к слушанию лекций на соответствующих факультетах. Однако Правление университета приняло решение объявить поступающим, что все лица, подавшие прошение о зачислении их в университет, «будут приняты и беспрепятственно допущены к слушанию лекций на соответствующих факультетах, но Правление считает своим долгом предупредить этих лиц, что для успешного освоения читаемых в университете лекций необходимо иметь достаточное общее развитие и общие познания в объеме средней школы. Для практических занятий лица, зачисленные в университет, будут допускаться после проверки» [*Купайгородская*, 1984, с. 47]. Например, на физико-математическом, историко-филологическом факультетах проводились специальные коллоквиумы, на юридическом факультете устраивалась проверка общих знаний в объеме средней школы. Таким образом, приемные испытания, хотя в несколько иной форме, были сохранены. В ноябре 1918 г. появилось новое постановление Комиссариата народного просвещения «О порядке допущения студентов высших учебных заведений к практическим занятиям и о продлении срока подачи прошений для зачисления в студенты» [Собрание узаконений..., 1918, ст. 863]. Постановление запрещало всякие испытания, коллоквиумы для определения возможности допущения к практическим занятиям в высшей школе. Подчеркивалось, что всякий экзамен в вузе является лишь способом проверки усвоения предмета и никакого другого значения не имеет. Студенты могли подвергаться испытаниям, но «без всяких формальностей». Срок подачи прошений в высшие учебные заведения был продлен до 1 января 1919 г.

Состав студентов Петроградского университета в 1917–1920 гг. претерпел существенные изменения. В 1917/18 учеб. г. количество студентов резко сократилось по сравнению с 1913/14 учеб. г. Если на 1 января 1914 г. в университете числились 7442 студента, то на 1 января 1918 г. – 4325, в том числе на историко-филологическом факультете – 224, на факультете восточных языков – 62, на физико-математическом – 1900 и на юридическом – 2141 [История..., 1969, с. 191]. А на 1 июля 1919 г. в университете обучались уже 8256 студентов, в том числе на историко-филологическом – 1318, на факультете восточных языков – 228, на физико-математическом – 1298, на юридическом – 3545³. Увеличение численности студентов на факультетах в 1918/19 учеб. г. в два раза по сравнению с 1917/18 учеб. г., возможно, было связано с введением новых правил приема, увеличением количества поданных заявлений. Из приведенных данных также видно, что по-прежнему сохранялся один из главных недостатков дореволюционной высшей школы – неравномерность распределения студентов по факультетам.

Необходимо отметить, что подписанный В. И. Лениным 2 августа 1918 г. декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения» отменил все формальные ограничения и открыл доступ в вузы, в том числе в Петроградский университет, всем желающим независимо от наличия документов о среднем образовании [Декреты..., 1964, с. 141]. Декрет имел важное политическое значение, показав рабоче-крестьянской молодежи, что отныне высшая школа не представляет собой нечто чуждое, а является учреждением народным и общедоступным. Однако отсутствие опыта, конкретных разработок, учитывающих реальные условия, на некоторое время дезорганизовало учебную и научную жизнь университета.

Большевики стремились к тому, чтобы представители рабочих и беднейших крестьян имели реальную возможность попасть на студенческую скамью, несмотря на отставание в подготовке, общем развитии по сравнению с выходцами из других классов. Но за три года существования советской власти решить поставленную задачу так и не удалось. По мнению Е. М. Балашова, невозможно было за это время полностью реорганизовать систему образования, которая формировалась десятилетиями [*Балашов*, 2003, с. 120].

В последующие годы численность студентов университета увеличивалась. В конце 1921 г. в университете обучались 9293 студента, но рабочих и крестьян среди них было мало. «В начале

1920 г. университет продолжал готовить буржуазную интеллигенцию, как во времена царской России. Студенчество в массе своей было представлено выходцами из дворян, духовенства, буржуазии, крупного чиновничества... Это были «матерые» студенты, которые находились в стенах университета по 10–15 лет... Надменно и брезгливо озирали они представителей трудящихся» [На штурм науки..., 1971, с. 59–60].

Постепенно власть начала оказывать давление на представителей «старого» студенчества. Вскоре последовали аресты наиболее активных студенческих лидеров. Первый случай ареста студентов Петроградского университета произошел в августе 1920 г.: «Систематические и многочисленные аресты начались с нового 1920/21 учебного года, они коснулись студентов не только университета, но и других вузов Петрограда. Эти репрессии сопровождались массовыми возмущениями студентов, бурно выражавших сочувствие своим товарищам» [Чернов, 2000, с. 139].

Новые правила приема в высшие учебные заведения были утверждены 21 июня 1921 г. [Купайгородская, 1984, с. 127]. Провозглашался классовый принцип комплектования вузов, эти правила не закрывали окончательно путь в университет представителям других социальных групп. Однако устанавливалось, что теперь в первую очередь будут приниматься лица, окончившие рабфаки, лица физического труда, члены партии и комсомольцы, поступающие с направлениями различных государственных и общественных организаций. Остальные будут приниматься лишь при наличии свободных мест. Вводилась плата за обучение «для улучшения материального положения вузов, а также для регулирования социального состава студенчества» [Там же, с. 137]. Для того чтобы получить право на бесплатное обучение, студенту необходимо было заполнить анкету, ответив прежде всего на такие вопросы: «кем командирован», «ваше сословие до революции и социальное положение в настоящее время», «сколько членов семьи», «из чего складываются ваши средства к существованию (личный заработок, поддержка)», «ваша основная профессия и где работали, в какой должности до поступления в университет», «партийность». Исходя из полученных ответов, учитывая предъявленные удостоверения о тяжелом материальном или семейном положении, комиссия устанавливала отдельно для каждого студента определенную плату за обучение⁴.

В 1924 г. был принят специальный декрет «О взимании платы в высших учебных заведениях РСФСР», в котором содержалась детально разработанная шкала оплаты [Собрание узаконений..., 1925, ст. 10]. Право на бесплатное обучение имели выпускники рабфаков, члены РКП(б), члены РКСМ, беднейшие крестьяне, безработные, бывшие воины Красной Армии, работники просвещения и их дети, круглые сироты, находящиеся на государственном снабжении, лица, командированные партийными организациями [Купайгородская, 1984, с. 138]. Рабочие, заработная плата которых составляла от 50 до 75 руб. в месяц, в год должны были платить 25 руб., от 76 до 100 – 40 руб., от 101 до 150 – 60 руб., от 201 до 300 – 150 руб. Крестьяне, источником средств существования которых являлось исключительно сельское хозяйство, за обучение в год должны были платить от 15 до 25 руб. [Собрание узаконений..., 1925, ст. 10].

Размер и принцип назначения платы носили ярко выраженный классовый характер. А. Рожков отмечает: «Тяжелее всех было непролетарскому студенчеству. Советская власть не только обрекла его на самовывживание, но и заставила оплачивать учебу. В середине 1920-х гг. плата за обучение колебалась от 100 до 200 руб. в год в зависимости от материального положения родителей. С каждым годом росло количество «льготников», сокращалось число «буржуазных» студентов и соответственно увеличивалась сумма оплаты. К концу 1920-х гг. один оплачивающий свою учебу студент фактически содержал 3–4 пролетариев и коммунистов, внося в вузовскую казну от 225 до 400 руб. в год» [Рожков, 1999, с. 73]. В 1924/25 учеб. г. свыше 35% обучавшихся в Ленинградском университете студентов платили за обучение [Купайгородская, 1984, с. 139].

Новые правила предусматривали проведение приемных испытаний по основным предметам. При этом указывалось, что они не должны быть конкурсными, их цель – дать возможность убедиться, «обладает ли действительно кандидат, с одной стороны, кругом необходимых знаний, с другой – гражданско-политическим развитием» [Там же, с. 128]. А. Рожков подчеркивает: «Вступительные экзамены не имели решающего значения, поскольку на первых порах рабоче-крестьянскую молодежь принимали даже с неудовлетворительными оценками. На вступительных экзаменах нередко складывались анекдотические ситуации. Например, когда одного командированного в вуз пролетария попросили изобразить два в квадрате, он начертил квадрат, внутри которого поместил цифру два... Достоин ли абитуриент учиться в вузе, решали приемные комиссии,

члены которых порой не имели к высшей школе никакого отношения» [Рожков, 1999, с. 68]. В последующие годы правила приема уточнялись и дополнялись, но суть их оставалась та же: увеличить число обучающихся рабочих и крестьян. В 1923 г. инструкции о приеме вновь напоминали, что экзамены не должны быть конкурсными. От них совсем освобождались кроме рабфаковцев абитуриенты из детских домов и школ II ступени.

Принцип классового приема вновь встретил решительное сопротивление со стороны многих преподавателей и студентов. В октябре 1921 г. группа профессоров университета (среди них – Н. М. Гюнтер, А. А. Марков, П. А. Православлев, Ю. А. Филипченко) заявили на заседании Ученого Совета: «...прием слушателей в университет должен производиться согласно их знаниям, а не по каким-либо классовым и политическим соображениям... университет постепенно превращается в узко-практическое специальное учебное заведение, только по недоразумению сохраняющее свое название»⁵.

Таким образом, теперь при поступлении в университет, до прохождения экзаменов, необходимо было предоставить в приемную комиссию документы о возрасте, метрическое свидетельство, трудовую книжку, для мужчин – документ об отношении к воинской повинности, для студентов рабфака – свидетельство о его окончании, две фотокарточки, командировочное удостоверение с указанием города, вуза и факультета, анкету, собственноручно написанное заявление о приеме с указанием факультета или отделения, свидетельство о полученном среднем образовании для тех, у кого оно было⁶.

Новые правила приема повлияли на изменение не только численного, но и социального состава студентов. Если в конце 1921 г. в университете числились 9293 студента, то на 13 июля 1922 г. – 9074, в том числе на факультете общественных наук – 4592, физмате – 4482. А на 1 февраля 1925 г. в университете насчитывалось лишь 3986 студентов. На уровне 4–5 тыс. и стабилизировался состав студентов в ближайшие годы: к 15 сентября 1926 г. в университете обучались 4486 человек, к 15 сентября 1927 г. – 4497 и к 1 января 1928 г. – 4596 [История Ленинградского университета, 1969, с. 254].

«Петроградская правда» 24 декабря 1922 г. писала: «По социальному составу вновь принятые в этом году студенты распределяются следующим образом: из 2590 зачисленных крестьян было 689 человек, мещан – 595, детей рабочих – 28, детей трудовой интеллигенции и лиц интеллигентного труда – 120, служащих и их детей – 47, бывших офицеров и их детей – 66, детей дворян – 61, детей купцов – 16, детей священников – 19» [с. 5]. Также указывалось, что «принятая в этом году масса студенчества чрезвычайно разнообразна по своему социальному положению. Тут еще имеются и дворяне и мещане и купеческое сословие. Но среди поступивших есть уже определенная группа рабочих и крестьян» [Там же].

Изменение в составе студенчества было отмечено в 1923/24 учеб. г. Особую роль в этом сыграли проведенные в университете в 1922 г. и весной 1924 г. «чистки». Как вспоминал М. Б. Рабинович, студент Петроградского университета 1920-х гг., 1923/24 учеб. г. был одним из переломных в жизни университета: «Если до весны этого года еще часто встречались студенты старого типа, проявлялись прежние нравы, то и дело слышалось обращение «коллега», то потом все стало меняться... Все чаще появлялись студенты нового облика, и внешнего и внутреннего. Студенческие фуражки, тужурки становились редкостью. Ведь уже в 1923 г. при поступлении социальное происхождение стало во многом решающим» [Рабинович, 1996, с. 84].

В 1923 г. в числе поступающих в университет было 50 рабфаковцев и 1250 командированных партийными, советскими и профсоюзными организациями. В 1924 г. в него было зачислено всего 293 человека, из них 113 – окончившие рабочий факультет, 41 член партии и 78 комсомольцев. «С этого года комплектование студентов за счет представителей трудящихся можно было считать обеспеченным» [История..., 1969, с. 260].

Советская историография отмечает, что перерегистрация студентов университета, осуществленная в 1922 г., привела к исключению из него 1997 человек, в том числе 306 – за неуспеваемость и 1691 – за перерыв в учебе [Там же, с. 261]. В прессе сообщалось, что необходимо освободиться от неуспевающих студентов, так как вузы переполнены и средств на обучение нет. На деле же «главной целью академической проверки было исключение из университета тех учащихся, чье социальное происхождение и политические позиции противоречили общему направлению переустройства высшей школы» [Купайгородская, 1984, с. 131].

Особенно радикальной была «чистка» студентов, осуществленная на основе постановления СНК РСФСР от 16 мая 1924 г. «О сокращении наличного количества учащихся в вузах» [Собрание узаконений..., 1924, ст. 468, 614]. Хотя официально целью этой «чистки» так же, как и «чистки» 1922 г., объявлялось освобождение от балласта, т. е. неуспевающих студентов, в действительности она прошла под лозунгом удаления из вузов социально «чуждых» элементов. Пристальное внимание обращалось на социальное происхождение и имущественное положение студента и его родных. Такая формулировка, как «чуждый элемент, оторвавшийся безнадежно от союза», могла стать главным мотивом исключения из вуза. Один из прошедших такую «чистку» студентов позже отмечал, что огромное значение имела и внешность испытуемого: «чем более “пролетарски” вы выглядите, чем грубее ваша речь и тупее ответы, тем больше шансов на то, что вы будете грызть гранит науки» [Рожков, 1999, с. 69].

Как вспоминал М. Б. Рабинович, именно печально известная «чистка» 1924 г. нанесла окончательный удар по «старому» университету. Все студенты должны были пройти через специальные комиссии, в которых заседали представители администрации, общественных студенческих организаций. Хотя в печати и говорилось о том, что чистка позволит избавиться от неуспевающих студентов, которые освободят места для более достойных, но при опросе в комиссии главным было выяснение социального лица, чтобы побыстрее избавиться от «чуждого» элемента. По словам М. Б. Рабиновича, «те, кого комиссия признала “чуждым”, т. е. дети купцов, дворян, царских чиновников, офицеров и т. д., – безжалостно исключались из университета. Спокойно стояли у дверей комнаты, в которой заседала комиссия, только те, у кого в анкете было написано: рабочий, крестьянин-бедняк, батрак. Чистка была жестокой и вполне бессмысленной мерой. Выброшено было из университета много талантливых людей, которые могли бы принести пользу родине, множество жизней было разбито, искалечено. Хорошее социальное происхождение – вот был выигрышный билет в этой игре» [Рабинович, 1996, с. 85].

После проведенных в 1922 и 1924 гг. «чисток» у исключенных студентов в личном деле появлялась такая запись: «Секретариат Ленинградского Государственного Университета от 15 октября 1925 г. сообщает, что гр. Л. И. Рейнин уволена при общей проверки в 1924 г., как социально чуждый элемент рабочему классу»⁷. Или: «Постановлением Правления Петроградского Государственного Университета от 13 декабря 1923 г. Ольга Александровна Гаврилова уволена из числа студентов вследствие невыполнения академической активности»⁸.

После исключения из университета многие юноши и девушки испытывали состояние душевного надлома, находились на грани отчаяния. Для некоторых это было равносильно смерти. Ученые приводят несколько фактов самоубийств, причиной которых стала «чистка»: «23-летний студент принял уксусную эссенцию, отравилась фосфором 18-летняя студентка медфака, “вычищенная” из вуза 22-летняя девушка выпила цианистый калий» [Рожков, 1999, с. 71]. Большинство же отчисленных покидали родную альма-матер внешне спокойно, с достоинством, но уносили в своей душе глубокое возмущение и озлобление.

Проблема материально-бытового обеспечения студенчества в 1920-е гг. была одной из наиболее трудных. Перед советской властью стояла задача не только привлечь в университет представителей рабочих и крестьян для скорейшего изменения социального состава студенчества, но и создать хорошие условия для учебы, обеспечить стипендиями и продовольственными пайками. Однако в условиях Гражданской войны решить эту задачу не удалось. Социальное обеспечение до 1922 г. охватывало только часть студентов. Оно состояло в предоставлении пайка и небольшой денежной суммы, выдаваемой нерегулярно. Студенты получали несколько буханок хлеба, 1-2 килограмма сельдей, 500 граммов подсолнечного масла в месяц [История Ленинградского университета, 1969, с. 262]. «Жилось нам, студенческой молодежи, очень нелегко. Стипендий для огромного большинства не было. Они давались немногим. Надо было зарабатывать на жизнь и на возможность учиться, хотя двери высшей школы с первых лет советской власти гостеприимно открылись для всех...» [На штурм науки..., 1971, с. 166].

По воспоминаниям студентов, обед в столовой состоял из супа с пшеном. Согревал хорошо в столовой студенческий шум, разговоры. Некоторые товарищи, делясь опытом, с энтузиазмом рассказывали о чудном обогреве комнат «буржуйками»: «Бросишь в “буржуйку” старую газету или какую-нибудь бумагу – и пошло тепло. А если бросить щепки, так через полчаса – рай земной...» [Там же].

По мнению А. П. Купайгородской, более регулярное обеспечение студентов государственными стипендиями началось с 1922 г. Кроме Комиссариата народного просвещения различные ведомства (ВСНХ, наркоматы, профсоюзы), а также частные лица в соответствии с декретом СНК «О государственных и частных стипендиях для студентов» могли учреждать частные стипендии или хозяйственные, которые обычно были выше государственной [Купайгородская, 1984, с. 132]. Государственную стипендию могли получить студенты, имеющие право на бесплатное обучение, а хозяйственную – представители «непролетарского» студенчества: «Если бы не поддержка некоторых меценатов, сумевших выплачивать около 3 тыс. частных стипендий в размере от 15 до 100 руб. в ценах 1924 г., то непролетарское студенчество просто не выжило бы» [Рожков, 1999, с. 72].

Для того чтобы получить государственную стипендию, необходимо было написать заявление в стипендиальную комиссию, например: «Прошу комиссию зачислить меня на госстипендию, так как материальной помощи оказать некому, и в данный момент нахожусь в крайне тяжелых условиях. До сего времени я воспитывалась в детдоме, на снабжении государства, и теперь, несмотря на то, что у меня нет ни одежды, ни постельных принадлежностей, я даже не имею средств для проживания»⁹.

Для получения стипендии необходимо было также заполнить анкету «для определения на госстипендию при Петроградском университете». В ней было 33 вопроса, в том числе «кем командирован», «участие в советском строительстве», «партийность», «какой партии сочувствуете», «отношение к советской власти». На последний вопрос студенты в основном отвечали: «с доверием», «сочувствующее», «мне близки идеалы коммунизма, считаю советскую власть более справедливой»¹⁰. На основании этих ответов и заявления стипендиальная комиссия университета принимала решение о назначении стипендии. В 1924 г. средний размер стипендии составил 10 руб., что было вдвое ниже прожиточного минимума студента. Хозяйственные стипендии были от 25 до 60 руб. [История Ленинградского университета, 1969, с. 263].

В целом положение студентов университета в рассматриваемый период было тяжелым: «У громадного большинства одежда и обувь поизносились до дыр, руки в мозолях, лицо изможденное, бледное. Вы редко встретите студента, который бы не страдал болезнью желудка... После трех лет такой жизни государство получает инвалидов, которые в тягость себе и другим» [Рожков, 1999, с. 72]. Однако трудности, с которыми приходилось сталкиваться студентам, не мешали молодым людям стремиться к знаниям, «радостно и энергично» относиться к жизни. Вспоминая студенческие годы, А. И. Ростикова писала: «Прежде всего мы должны учиться, и мы учились упорно, с жадностью, не щадя себя, отказывая себе во многом, даже в самом элементарном, необходимом, учились до самозабвения» [На штурм науки..., 1971, с. 167].

Первые годы советской власти определили чрезвычайно интересный и одновременно противоречивый период в истории Петроградского/Ленинградского университета, показавший всю сложность и даже драматизм студенческой жизни того времени, вызванные в том числе необдуманностью проводимых реформ.

Необходимо отметить, что весь комплекс мероприятий, направленных на вовлечение рабочего класса, крестьянства в стены университета и изменение социального состава студенчества: создание и функционирование рабочего факультета, введение новых правил приема, проведение «чисток» – привел уже к концу первого десятилетия существования советской власти к постепенному изменению социального и численного состава студентов. П. С. Яцынов, студент университета 1920-х гг., вспоминал: «Для Ленинградского университета учебный 1925/26 год был в полном смысле переломным... завершился “штурм высшей школы”. Решающим образом изменился состав студенчества... О коренном изменении студенческого состава свидетельствует, например, тот факт, что с 1925 г. больше не проводилось так называемых чисток» [Там же, с. 177]. К началу 1925/26 учеб. г. в университете числились 4245 студентов, в 1926/27 – 4486. Причем рабочие и крестьяне составляли 893 человека, крестьяне и их дети – 814 [История Ленинградского университета, 1969, с. 262].

Если учесть, что начало современной научно-технической революции некоторые исследователи датируют второй половиной 1930-х гг., то появляются даже основания гордиться тем, что именно в нашей стране, в том числе в Петроградском/Ленинградском университете, была предпринята попытка подготовить новых специалистов для новой эпохи [Куретин, 2003, с. 21]. На практике же в 1920-х гг. рабочий класс и трудовое крестьянство даже при льготных условиях поступления в

университет не могли выдвинуть из своей среды необходимого количества молодежи, способной освоить весь спектр высших знаний, от технических до педагогических и художественных.

Примечания

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 20. Л. 3.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Д. 25. Л. 66 об.

⁴ Там же. Оп. 6. Д. 2444. Л. 15.

⁵ Там же. Оп. 14. Д. 16. Л. 214.

⁶ Там же. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 451. Л. 37.

⁷ Там же. Ф. 7240. Оп. 13. Д. 1. Л. 156.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 869. Л. 1.

⁹ Там же. Оп. 8. Д. 532. Л. 17.

¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 512. Л. 14 об.

Библиографический список

275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись 1724–1999 / под ред. Л. А. Вербицкой. СПб., 1999.

Балаиов Е. М. Школа в российском обществе. 1917–1927 гг.: становление «нового человека». СПб., 2003.

Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3.

История Ленинградского университета. 1819–1969: очерки. Л., 1969.

Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). Л., 1984.

Курепин А. А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб., 2003.

Ленин. В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 37.

На штурм науки: Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / под ред. В. В. Мавродина. Л., 1971.

Петроградская правда. 1922. 24 дек.

Платова Е. Э., Пиенко К. А. Новое студенчество России: образ жизни. 20-е годы 20-го столетия. СПб., 1999.

Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996.

Рожков А. Студент как зеркало Октябрьской революции // Родина. 1999. № 3.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 82. Ст. 863; 1924. № 50. Ст. 468, 614; 1925. № 1. Ст. 10.

Соскин В. Высшая школа – конец автономии (1921–1922 гг.) // Альма матер: Вестн. высшей школы. 1998. № 1–2.

Университетские Петербургские Чтения. 300 лет Северной столице: сб. ст. / под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2003.

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2556 – Управление уполномоченного Наркомата просвещения РСФСР по высшим учебным заведениям, рабочим факультетам, научным, научно-художественным и музейным учреждениям Ленинграда; Ф. 7240 – Санкт-Петербургский государственный университет.

Чернов М. П. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу в 1918–1922 гг. // Вопр. истории. 2000. № 11–12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.04.2011